

Карл Хайнц Штробль "Анатомия" (Karl Hans Strobl Anatomia)

(Lemuria. Seltsame Geschichten, München 1917)

Когда аббат Александр Сегюр-Монтфокон, работая над своим титаническим трудом об анатомии тела человека, дошел до раздела, посвященного полости живота, то оказалось, что собранных в ходе кропотливой работы материалов недостаточно. Посчитал, что должен больше узнать об этой области, прежде чем продолжить писать свой труд. Приняв решение, он собрался в дорогу, и тут ему привезли визитку его милой приятельницы Нинон. Чтение написанного на ней приглашения привело аббата в превосходное расположение духа.

По приезде в Шарите (больница в Париже. Открыта в 17 веке, закрыта в 1935 году – примечание переводчика), распорядился вызвать к себе отца-госпитальера.

- Прошу выслушать, отец-госпитальер. Мне очень нужны свежие останки.

- О. монсеньор, - ответил монах. – Все складывается как нельзя лучше. У нас есть то, что надо - номер 46. Я очень рад, что могу помочь Вашему преосвященству. Умрет в любую секунду. Думаю, что ждать осталось не более получаса.

- Полчаса? – аббат потер пальцами гладко выбритый подбородок.- Неудачно. Я так быстро не смогу им заняться. Сейчас пять. В семь должен быть в Фонтенбло, и вряд ли вернусь ранее завтрашнего полудня. Не могли бы вы его продержать до завтрашнего утра? Мне нужен свежий экземпляр.

Госпитальер задумался: - Не знаю, воистину не знаю, или удастся нам это. Заверяю вас, что приложим все усилия. Но это не моя вина, если нам не удастся. Вам бы понравился этот экземпляр. Это настоящий гигант.

- Прошу вас, отец, сделайте что-нибудь, чтобы он дотянул до утра. – С этими словами аббат покинул Шарите, а госпитальер побежал в аптеку готовить микстуры для больного.

- Выпей это, сын мой, - сказал он номеру 46, придя к больному с готовым снадобьем. – И пусть твои дела идут на поправку.

Больной, находившийся в полубоморочном состоянии, позволив влить в себя микстуру, и через минуту заснул глубоким сном. Госпитальер несколько раз заглядывал в комнату, чтобы убедиться, что номер 46 еще не умер. Но больной дышал спокойно, и даже щеки его порозовели. Когда монах пришел утром, он сидел на кровати.

Монах удивился: - Кажется, тебе гораздо лучше.

- Сам не знаю. Что со мной стало, отче, - сказал парень. – Боль в груди утихла, кашель стал мокрым, нет и следа той слизи в горле. Вы дали мне чудотворное снадобье.

Монах покачал головой, и начал более тщательный осмотр. Сосчитал пульс, простукал грудную клетку.

- Несомненно, сын мой, ты на дороге к скорейшему выздоровлению.

Парень посмотрел на монаха со слезами на глазах и сложил руки в молитвенном жесте: - Если на то воля Бога...

- Да, - пробормотал монах. – Бог, наверное, не будет против. Но что я скажу аббату?

- Какому аббату? Он то тут причем?

- А, ничего, ничего. Ложись и накрывайся. Я запрещаю тебе задавать вопросы. Не стоит переутомляться.

Отец госпитальер ушел, но через некоторое время вновь заглянул к больному. Тот был доволен, крутил головой. Монах пробормотал:

- Парень здоровый, как Бог на небе. Но что же я скажу аббату?

Около полудня святейший ученый вернулся из Фонтенбло. От него веяло здоровьем, хорошим настроением и свежестью.

- Как дела, мой дорогой? – обратился он к отцу Зефирину, - могу я забрать останки? Когда умер этот бедолага?

- Ах, ваше преосвященство, я уже и не верю, что он вообще умрет.

- Как так? Что это значит?

- Кажется, он собрался жить дальше. Снадобье, которое ему дал, поставило его на ноги.

- Ох, - пробормотал аббат, потирая своей узкой розовой ладошкой подбородок.- Как все неудачно складывается.

- Это не моя вина, - ответил отец Зефирин. – Мне бы и в голову не пришло, что мой порошок может быть настолько эффективным. Это вы. Извините, должны признать вину. Номер 46 давно был бы мертв и лежал бы выпотрошенный, если бы Вам не надо было ехать в Фонтенбло.

- Я хотел бы его осмотреть и увидеть, что утратил, - пробурчал аббат и приказал отвести его к постели больного.

- Ты знаешь, парень, - сказал он, прерывая молчание, сопровождавшее осмотр пациента, - доставил ты мне неудобства.

Больной посмотрел на него задумчиво.

- Да, да, мой дорогой. Уперся и выздоравливаешь. А у меня были такие надежды изучить твою утробу. У тебя должна быть небывалая полость живота.

Парень с трудом сглотнул слюну: - Ваше преосвященство должны меня извинить...

- Ну, что тут поделаешь? Коли так, то береги себя, чтобы выздороветь полностью. Я подожду. До следующего раза, дружище.

И еще раз Фонтенбло навлекло на аббата Александра Сегюр-Монтфокона неприятности. Произошло это когда вместо того, чтобы податься с большинством своих приятелей к границе, решил попрощаться с Корали, седьмой преемницей Нинон. И кто-то донес на него якобинцам. С первыми лучами солнца дом Корали был окружен, и аббат был арестован в одной сорочке – даже штаны надеть не позволили.

- Это будет неплохое зрелище, - сказал начальник стражи, - пусть народ видит, что сейчас даже дворяне одеваются как санкюлоты.

Это была неприятная прогулка. Аббат очень сожалел о своей шкатулке туалетной, которую не позволили взять с собой в тюрьму. В ней было множество важных и необходимых предметов, без иных было невозможно обойтись, как без воздуха или воды. Было неприятно, но теперь должен был обходиться без всех этих щеточек, пилочек и расчесок. С растущим унынием присматривался аббат к своим выпестованным рукам. С каждым днем они выглядели все хуже. Ему позволили провести корректуру его труда о человеческой анатомии.

- Должен вам сказать, - произнес начальник тюрьмы, - что солидный анатомический труд очень нужен в наше время, которое очень интересуется человеческим телом. И отделение головы от туловища для удовлетворения любопытства ныне в порядке вещей.

Суд прошел быстро и без инцидентов. Корали сидела на трибуне для зрителей, и старалась не привлекать внимания. Графа приговорили к смертной казни.

Корали через жену одного из охранников тюрьмы переслала ему записку: "Прощай. Было прекрасно. Всегда буду помнить о тебе. Твоя Корали".

Вечером аббата перевели в одиночную камеру. Вскоре к нему пришел представитель революционного трибунала.

- Хотите чего то? – спросил граф, и осмотрелся – в камере не было ничего, что можно было бы предложить посетителю.

- Я пришел, чтобы проинформировать гражданина Сегура, что казнь состоится завтра.

- Благодарю за беспокойство, - граф кивнул посланцу.

Но человек не ушел, он продолжал всматриваться в узника внимательным взглядом. Это стало тяготить аббата.

- Могу что-то еще сделать для вас? – спросил он, чтобы разрядить неприятную ситуацию. Революционер сделал два шага вперед:

- Не узнаешь меня, гражданин Сегур?

- Прошу прощения, но не припоминаю...

- Уж сколько лет прошло. Мы встретились в Шарите. Тогда очень хотел познакомиться с моей утробой.

- А... это вы номер... минутку... 49.

- 46, я запомнил лучше, 46. Выздоровел, как видишь. Судьба сделала меня секретарем революционного трибунала, и завтра я увижу как тебе, гражданин Сегур, отрубят голову. Аббат усмехнулся: - Я надеюсь, что останешься удовлетворенным.

- Конечно. Ты мне спас жизнь, гражданин. Если бы не отложил осмотр моей утробы до возвращения из Фонтенбло, то отцу Зефирину не пришлось бы в голову дать мне свою чудесную микстуру.

- Рад, что спас жизнь человеку, который играет не последнюю роль в наше удивительное время.

- Понимаю, что в определенном смысле должен быть тебе благодарен. Я не могу тебя спасти от большого ножа. Но охотно исполню твое желание, а может и несколько желаний, если это будет в рамках моих возможностей. Мог бы провести здесь ночь. Последняя ночь, как говорят, очень неприятная штука, особенно в одиночестве.

- Вы очень добры, и я принимаю ваше предложение. И вот какой будет моя первая просьба – вздрагиваю, когда мне говорят "ты".

- Понимаю. Хотите, чтобы я от вас несколько отдалился, и тоже не "тыкал". Трибунал принес вам много неприятностей, а утром отрубят голову. Вам не успеть приспособиться к новым порядкам. Я вот подумал, у вас же есть любовница. Если хотите, ее к вам можно привести.

- Благодарю. Но уже поздно, а Корали не любит, когда ее ночью поднимают с постели. Если вы пожертвовали ради меня сном, то лучше сыграем партию в шахматы.

- Охотно.

Он ушел и вскоре вернулся с шахматной доской. Аббат сел на кровать, а его партнер на ведро с нечистотами. Столик поставили между собой. Когда фигуры были расставлены, секретарь спросил:

- А как быть с выигрышем?

- О, я точно знаю, чего хочу в случае победы. Скажу вам это, когда партию закончим.

- В случае, если я выиграю, - ответил секретарь, - прошу согласия на осмотр после казни вашей утробы.

- Не возражаю, - сказал аббат.

Игра началась. Это была очень интересная партия примерно равных противников, каждый из которых прекрасно ориентировался в нюансах и сложностях древней игры. Когда в окне забрезжил рассвет, преимущество было у аббата, который вынудил секретаря обороняться. Вскоре партия была окончена.

- Вам мат, - сказал аббат, вставая с кровати.

- Переживу эту коллизию. Тем более, что в реальности мат получил Ваш король.

Говорите, чем могу вам служить, коль скоро вы выиграли партию?

- Прошу, чтобы мне в камеру принесли мою туалетную шкатулку.

- Договорились.

Через час он вернулся со шкатулкой. Это была мастерская работа из эбенового дерева, инкрустированная слоновой костью и перламутром в японском стиле.

Аббат раскрыл шкатулку, и начал доставать из нее ножницы, пилочки, гребни, флакончики. Он рассматривал их с выражением счастья на лице. Переложил их в другом порядке и приступил к туалету.

Секретарь задумчиво наблюдал за его действиями. Его задумчивость росла по мере того, как видел, что каждый предмет используется для особенного действия.

Когда первый луч солнца проник в зарешеченное окно, стали слышны разговоры и бряцанье оружия, доносящиеся из внутреннего двора тюрьмы. В коридоре раздались шаги.

Секретарь поднялся:

- Господин граф...

- Собственно, я уже закончил, - ответил аббат, полируя ногти мягкой шкуркой.

Лязгнули засовы.

- Идемте, - сказал Александр Сегур-Мнфокон, выбрасывая шкурку и направляясь к дверям.